

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 DASEINSANALYSIS. INTRODUCTION TO THE DISCOURSE

1.1 ДАЗАЙН-АНАЛИЗ. ВВЕДЕНИЕ В ДИСКУРС

ДАЗАЙН-АНАЛИЗ: ПРОПЕДЕВТИКА К ДИСКУРСУ

DOI : 10.18199/2226-5260-2016-5-2-15-45

ИРИНА КАЗАКОВА

Кандидат психологических наук, психолог.

Европейский гуманитарный университет, 01114 Вильнюс, Литва.

E-mail: kairanatan@gmail.com

Данная статья носит пропедевтический характер и имеет своей основной задачей введение психотерапевтического дазайн-аналитического дискурса в русскоязычное пространство. Несмотря на то, что данный подход уже был мозаично представлен в ряде переводов и статей, тем не менее, отсутствие единого предметного дискуссионного поля, разночтения и искажения в терминологии требуют специальной пропедевтической работы. В статье кратко представлена история дазайн-анализа в лице Людвиг Бинсвангера и Медарда Босса, особым образом акцентировано психоаналитическое происхождение дазайн-анализа, который складывался внутри общего аналитического дискурса, но со значительным выходом за его пределы через обращение к онтологии Хайдеггера и разрабатываемой им дазайн-аналитике. Такое маргинальное положение дазайн-анализа обуславливает специфику аналитического процесса и разработки основных терапевтических вопросов, специфику разработки психопатологических вопросов и рефлексии оснований аналитического праксиса. В статье также подробно рассмотрен феноменологический метод с точки зрения того, как он может быть реализован в аналитико-терапевтической практике. Данный вопрос разбирается на примере учебной ситуации, взятой из фильма “Тайная жизнь Антуана Ватто”, в которой профессор учит студентку “видеть” полотно художника и то, что на нем изображено. Такой процесс, очень схожий с процедурой сократовской майевтики, помогает обнаружить ту специфическую установку при феноменологическом исследовании, которую Хайдеггер называет *Gelassenheit*. Для понимания этой установки мы также обращаемся к фрагменту из *Бытия и времени* и анализу той специфической глагольной конструкции медиального пассивного залога в связке со смысловым глаголом “видеть” (ἀποφαίνεσθαι), которая утеряна современными языками, но которая помогает обнаружить истинный смысл ключевой установки феноменологического метода.

© IRINA KAZAKOVA, 2016

Ключевые слова: Дазайн, дазайн-анализ, терапевтический дазайн-анализ, психиатрический дазайн-анализ, Хайдеггер, Фрейд, Босс, Бинсвангер, феноменологический метод, Gelassenheit.

DASEINSANALYSIS: PROPAEDEUTICS TO THE DISCOURSE

IRINA KAZAKOVA

PhD in Clinical Psychology, Psychologist.
European Humanities University, 01114 Vilnius, Lithuania.
E-mail: kairanatan@gmail.com

This article is propaedeutic and has as its main objective the introduction of psychotherapeutic daseinsanalytical discourse to the russian-speaking space. Despite the fact that this approach has already been introduced in a number of translations and articles, however the lack of a common field of discussion and the presence of discrepancies and distortions in the terms require a special propaedeutic work. The article briefly presents the history of daseinsanalysis represented by Ludwig Binswanger and Medard Boss. The psychoanalytic origins of daseinsanalysis is emphasized in a special way. This is due to the fact that daseinsanalysis formed within a common analytical discourse, but with a considerable output beyond it through an appeal to the Heidegger's ontology and its daseinsanalytics. Such a marginal daseinsanalysis' position determines the specificity of the analytical process, the development of major therapeutic issues and psychopathological issues as well as the specific reflection of analytical praxis. The article also considers the phenomenological method from the standpoint of how it can be implemented in analytical and therapeutic practice. This issue is discussed on an example of the situation taken from the movie *The Secret Life of Antoine Watteau (Ce que mes yeux ont vu)* in which the professor teaches the student to "see" the painting of the artist and what it depicts. This process is very similar to the Socratic maieutic procedure and it helps to disclose the specific attitude in a phenomenological study, which Heidegger calls *Gelassenheit*. To understand this attitude we also appeal to the fragment of *Being and Time* and the analysis of the specific construction of the medial verb passive voice in conjunction with semantic verb "see" (ἀποφαίνεσθαι), which helps to understand the true practical meaning of the phenomenological attitude.

Key words: Dasein, daseinsanalyse, therapeutic daseinsanalyse, psychiatric daseinsanalyse, Heidegger, Freud, Boss, Binswanger, phenomenological method, Gelassenheit.

ВВЕДЕНИЕ

В 2012 году на русском языке были опубликованы "Цолликоновские семинары", что стало знаковым событием, прежде всего, потому, что обнаружило до этого мало знакомую в русскоязычном пространстве часть истории психоанализа и психотерапии. Эта часть истории маркировалась двумя основными именами – Людвиг Бинсвангера и Медарда Босса. И, несмотря на то, что работы ни того, ни другого до этого практически

не публиковались на русском языке¹, было представление о том, что существует некоторое поле феноменолого-психиатрического-психотерапевтического знания за этими именами. Но при этом всё до сих пор предстаёт в неупорядоченном и смешанном виде: экзистенциальный анализ, феноменологическая психиатрия, антипсихиатрия, дазайн-анализ и т.д. – все это мешается в одном котле без понимания того, что за каждым из этих понятий стоит отдельная собственная область исследований и практики.

Другим толчком для обнаружения указанного пробела в истории психотерапии и психоанализа стало появление в русскоязычном пространстве одного из современных швейцарских дазайн-аналитиков – Алис Хольцхей-Кунц, которая по приглашению Восточно-Европейского института экзистенциального консультирования в Бирштонесе проводила и продолжает проводить семинары для обучающихся психотерапевтов. Алис Хольцхей-Кунц наряду с ныне живущими Валерией Гампер (сегодня – ректор Дазайн-аналитического института в Цюрихе), Хансйоргом Реком (один из основателей Дазайн-аналитического института в Вене), Константином Гементзисом (предпоследний президент Международной федерации дазайн-анализа) и другими, представляет второе после Медарда Босса поколение дазайн-аналитиков.

Эти два события актуализировали дазайн-аналитическую тематику. И беря за точку отсчета обозначенный ракурс, мы оказываемся на интересном перекрестке двух аналитик, точнее сказать, аналитического дискурса в смысле фрейдовского анализа и хайдеггеровской аналитики в смысле аналитики Dasein, и нам предстоит сделать первые шаги в освоении этого перекрестка.

Одной из задач данного текста является высвобождение специфического дазайн-аналитического дискурса из смешанного, который возник на почве множества не согласующихся между собой переводов, прояснить место дазайн-анализа в истории психоанализа и психотерапии, отношение дазайн-

¹ Перевод одной из работ Л. Бинсвангера (“Бытие в мире. Введение в экзистенциальную психиатрию”) выполнен с английского перевода немецкого текста. Сам факт появления Бинсвангера на русском языке можно только приветствовать, но также нужно понимать, что текст, выстроенный во-многом на хайдеггеровской терминологии и пропущенный затем через английский язык, будет в обязательном порядке вызывать большое количество вопросов, особенно если учитывать довольно длительную и серьезную традицию философских переводов феноменологических текстов с немецкого на русский язык. Перевод другой его работы (“Экзистенциальный анализ”) на русский язык выполнен с немецкого языка, но содержит серьезные неточности, к чему мы еще будем обращаться в данной статье.

анализа как аналитико-терапевтического инструмента и дизайн-аналитики Хайдеггера.

“Чтобы суметь лучше понять базовую концепцию психиатрического и терапевтического дизайн-анализа, мы должны, прежде всего, разобраться с дизайн-аналитикой Хайдеггера. Последняя покоится не только на теории о человеке, она [...] основывается исключительно в исполнении феноменологического удостоверения базового устройства Дазайн[a] как бытия в мире” (Condrau, 1985, 190). В связи с этим требуют пояснения два момента: что такое Дазайн (Dasein) и что такое феноменологический метод как основной инструмент дизайн-анализа.

Новый дискурс никогда не возникает на пустом месте. Он возникает под задачу нового высказывания, когда появляется необходимость выразить нечто принципиально новое, иначе сказать – привести к речи то, что не высказывается каким-то одним из уже наличных языков. Это было с психоанализом, это мы наблюдаем и в случае с дизайн-анализом. Не случайно Бинсвангер в одном из своих высказываний довольно радикально говорит о двух принципиально новых способах опыта, каждый из которых стоит за психоаналитическим и дизайн-аналитическим дискурсом. Перемещение же дискурса в иноязычную среду может вызывать замешательство, тем большее, чем более семиотически далекой является новая языковая среда. Новый язык должен освоить местную семантику, процесс прилаживания может длиться годами и десятилетиями. Именно это мы наблюдаем в отношении дизайн-анализа в русском языке. Размышления об онтическом и онтологическом, разбирание в хайдеггеровских концептах и прочее – то, что может быть прозрачным и “легким” для философов, оказывается порою неподъемным для психологов и психотерапевтов. Потому что это никаким очевидным образом не связано с их работой и тем практическим и даже рефлексивным полем, в котором они пребывают. Философский перевод хайдеггеровского текста бросает вызов русскому языку и просит его стать другим, просит вместить в себя множество иного и непонятного, и даже страшного, просит такого изворота, на который даже в виде эксперимента не всякий исследователь и философ согласен, а уже тем более психолог или психотерапевт, который хоть и нуждается в инструментах рефлексии своей работы, но все же хотел бы проделывать это на понятном для себя языке. Для этого нужна определенная подготовительная, или пропедевтическая, работа, которую в свое время решали Цолликоновские семинары, и которую в некоторой части решает

выход в свет данного номера журнала. В процессе чтения будет заметно, особенно, вероятно, философскому уху, что и этот текст также ранен этой ключевой трудностью – переходом от онтологического к отническому, и чуткий философский слух непременно уловит эти места, в которых так трудно не оказаться грубым и не поступиться или не истолковать превратно “основной ход хайдеггеровский мысли”. И сам автор это также замечает и пытается, с одной стороны, выдержать чистоту рассуждения, с другой, не предавать не чуждое и ему желание языковой укоренности и почвы.

Но прежде чем мы перейдем к ответу на два выше обозначенных вопроса (что такое Дазайн и что такое феноменологический метод), мы попытаемся осуществить попытку входа в дазайн-аналитический дискурс через конкретные имена и события. Такой шаг связан с необходимостью ряда прояснений, прежде всего, терминологического, то есть языкового, переводческого свойства, исправления в связи с этим некоторых понятийных неточностей, а также с необходимостью представления того исторического, научного и идейного фона, на котором разворачивалось становление дазайн-анализа.

ДАЗАЙН-АНАЛИЗ – ПСИХОАНАЛИЗ – ДАЗАЙН-АНАЛИТИКА

Фрейд однажды пожаловался, что очень трудно дать представление о том, что такое психоанализ тому, кто не является психоаналитиком. Также и дазайн-аналитик может пожаловаться, что очень тяжело тому, кто не является дазайн-аналитиком, дать понимание того, что такое дазайн-анализ. В обоих случаях трудность состоит в том, что и психоанализ, и дазайн-анализ, каждый для своего времени, означают совершенно новый способ опыта. Но на этом параллели исчерпываются. Так как оба способа опыта отличаются друг от друга как день и ночь. (Binswanger, 1960, 251)

Из этого тезиса Бинсвангера, который стал первым в его докладе на международном психотерапевтическом конгрессе в Барселоне в 1958 году, мы можем сразу же получить три готовые точки отсчета для нашего рассуждения. Метафора о дне и ночи ироническим образом указывает на то, что как день и ночь исчерпывают сутки, так и дазайн-анализ мыслит себя относительно психоанализа, и более никакой другой терапевтической или психологической традиции здесь не имеется в виду. Во-вторых, дазайн-анализ мыслит себя относительно дазайн-аналитики Хайдеггера, едва ли не производя себя от этой философии. И, в-третьих, тот факт, что Бинсвангер является психиатром, всю жизнь проработал в психиатрической клинике и основной мишенью

его исследовательских усилий являлись именно психиатрические больные, о чем свидетельствует большой корпус статейных и монографических работ, оставленный Бинсвангером², указывает на “третий корень” дазайн-анализа – психиатрический.

В 1982 году в Швейцарии вышла четырехтомная энциклопедия глубинной психологии, четвертый том которой включает главу по дазайн-анализу, написанную Вольфгангом Бланкенбургом³. В России этот том вышел в 2004 году, но мы не находим в нем главы по дазайн-анализу. Вместо нее мы находим главу “Экзистенциальный анализ”. Ее перевод начинается следующим образом:

Понятие “экзистенциальный анализ” многослойно. Оно означает: 1) попытку онтологического обоснования психо(пато)логии и психотерапии, 2) связующее звено между философской и медицинской (в частности, психиатрической) антропологией, а также 3) разработку новых терапевтических подходов к лечению невротических и психотических больных [...].

[...] Название “экзистенциальный анализ” оно получило сравнительно поздно (в 1943 году) по инициативе швейцарского психиатра Й. Вирша. Позднее М. Босс, обратившись к проблематике отдельных наук и оспаривая продуктивность разделения явлений на субъекты и объекты, попытался соотнести экзистенциальный анализ с идеями Хайдеггера. Если экзистенциальный анализ обязан своим теоретическим фундаментом и научным обоснованием в первую очередь феноменологии Э. Гуссерля и экзистенциальному анализу М. Хайдеггера, то камнем преткновения для него все же всегда оставался психоанализ. (Blankenburg, 2004, 430)

А теперь сравним этот фрагмент с фрагментом из работы Кондрау, который представляет нам эту же фактологию:

² Людвиг Бинсвангер (1881-1966). Основные работы (на русский язык не переводились): *Преобразования в понимании и толковании сновидений* (1928), *Сновидение и экзистенция* (1930), *О скачке идей* (1933), *Фрейдовское понимание человека в свете антропологии* (1936), *Основные формы и познание человеческого Дазайн[а]* (1942), *О языке и мышлении* (1946), *Значение дазайн-аналитики Мартина Хайдеггера для самопонимания психиатрии* (1949), *Воспоминания о Зигмунде Фрейде* (1956), *Шизофрения* (1957), *Человек в психиатрии* (1957), *Меланхолия и мания. Феноменологические исследования* (1960), *Бред. Феноменологическое и дазайн-аналитическое исследование* (1965).

³ Вольфганг Бланкенбург (Wolfgang Blankenburg, 1928-2002) – немецкий психиатр, представитель феноменологической психиатрии и психопатологии. Изучал философию и психологию, затем – медицину во Фрайбургском университете. Темой его диссертации было дазайн-аналитическое исследование одного случая параноидной шизофрении. Шизофрения была основной темой и всех его дальнейших работ. Всю жизнь сочетал клиническую и академическую работу. Основные работы (на русский язык не переводились): *Дазайн-аналитическое исследование одного случая параноидной шизофрении* (1956), *Утрата естественной самопонятности. О психопатологии шизофренического отчуждения* (1967), *Психопатология неприметности (Unscheinbare)* (2007), *Психиатрия и феноменология* (2014).

Людвиг Бинсвангер – несомненный основатель дизайн-аналитического психиатрии. Первоначально свое исследовательское направление он обозначал как “феноменологическая антропология”, и лишь в 1942 году, последовав подсказке Якоба Вюрша, дизайн-анализом. Основная работа Бинсвангера *Основные формы и познание человеческого Дазайн[a]* вышла в 1942 году, за которой последовал большой ряд работ о дизайн-анализе, языке и шизофрении, а также исследования меланхолии и мании. (Condrau, 2000, 9)

Не Й. Вирш, а Якоб Вюрш, не экзистенциальный анализ Хайдеггера, а дизайн-анализ Хайдеггера и т.д., из чего следует однозначный вывод о том, что читать представленный текст можно только постоянно держа в руках эту кальку, при том ещё не до конца размеченную. Несмотря на то, что этот перевод грешит массой неточностей, он знакомит нас с богатой фактологией отношений Бинсвангера и Фрейда, а также других представителей психоанализа, что избавляет нас от необходимости снова и снова прояснять тесную, если не генетическую, связь психоанализа и дизайн-анализа.

Критическое осмысление психоанализа стало для него [Бинсвангера] жизненной задачей, причем постепенно акцент все более смещался в направлении принципиальной критики. Фрейд относился к этому спокойно. Несмотря на кардинальные расхождения во взглядах, они продолжали оставаться друзьями. В отличие от отношений с другими учениками Фрейда, проявившими самостоятельность (Адлера, Штекеля, Юнга), это не повлекло за собой раскола или отчуждения. Помимо взаимной личной симпатии такой ход событий, несомненно, объясняется и тем, что Фрейд с самого начала принял самостоятельность позиции Бинсвангера, в чем-то близкой ему и вместе с тем отличавшейся от его собственной. В 1923 году Фрейд написал Бинсвангеру: “Я был бы рад еще больше, если бы Вы сохранили за собой ведущее положение в Швейцарии [то есть руководство швейцарской секцией. – В.Б.] или если бы Ваша лечебница могла служить исключительно делу анализа. Однако в основе наших отношений лежат мотивы иного рода, и они совершенно не зависят от подобных упрёков.” (Blankenburg, 2004, 432)

Людвиг Бинсвангер в “Случае Эллен Вест” пишет: “Дазайн-анализ нельзя путать с дизайн-аналитикой в смысле Хайдеггера; первый есть онто-антропологическая, осуществленная в отношении фактического человеческого Дазайн[a] феноменологическая герменевтика, последняя – онтологическая, направленная на бытие, понятое как Дазайн, феноменологическая герменевтика” (Binswanger, 1944b, 70). И в следующей части своего исследования продолжает:

Поскольку дизайн-анализ предпринимает разработку человеческого во всех его Дазайн-формах и его мирах, в его *мочь быть* (экзистенция), *сметь быть*

(любовь), *быть вынужденным быть* (брошенность)⁴, а психоанализ только в единственном, а именно – в последнем, то ясно, что дазайн-анализ расширяет и углубляет те базовые психоаналитические понятия и представления, которые, однако, психоанализ не в состоянии сузить и свести к дазайн-аналитическим формам, то есть редуцировать к уровню своих (односторонне-эволюционистских) позиций. (Binswanger, 1944с, 333)

И означает это, прежде всего, продолжает далее Бинсвангер, что дазайн-анализ стоит на феноменологической почве и работает феноменологическим методом, и рассматривает человека не как объект, но исследует феномен его бытия в мире, из которого только вообще человек и может быть понят. Но такой тезис Бинсвангера, конечно, хайдеггеровского происхождения, еще тоже нужно верно понять. Что значит бытие-в-мире? Этому вопросу посвящено достаточное место в работе Кондрау⁵, потому мы не будем разворачивать это положение, но лишь укажем на то, что кажущаяся простота этого тезиса для психотерапии нуждается в определенном рассмотрении для полного понимания⁶.

⁴ Три основных модуса или модальности, которые находят отражение в трех основных видах модальных глаголов: Seinkönnen (мочь быть), Seindürfen (сметь быть), Seinmüssen (быть вынужденным быть). В первом значении (können) подчеркивается именно мочь, мочность, могота. Это точнее перевода “уметь”, который невольно отсылает нас к понятию навыка, умения. Здесь же речь идет именно о мочи как мощи, моготе, моготе. См. русские выражение “невозмогу”, “мочи нет”, “что есть мочи”, “занемочь”, “не можется”, “изнемогать”. Второй модус (dürfen) подразумевает разрешенность, позволенность, дозволенность, необходимость отважиться. И третий модус (müssen) подразумевает момент вынужденной необходимости, принужденности.

⁵ См. опубликованную в этом номере статью Ж. Кондрау “Философские и антропологические основания дазайн-анализа”.

⁶ В связи с этим интересно кратко представить структуру упомянутой работы Л. Бинсвангера “Случай Эллен Вест” (Binswanger, 1944, 1945), чтобы увидеть, как по замыслу Бинсвангера должно разворачивается дазайн-аналитическое исследование.

A. Сообщение.

1. Предыстория.
2. История жизни и болезни.
3. Пребывание в клинике Бельвю.
4. Смерть.

B. Дазайн-анализ.

Введение.

Дазайн-анализ.

1. Мир (Welt) (отдельно в конце этой части подзаголовок *Смерть*)
2. Время.
 - A) Темпоральность эфирного мира.
 - B) Темпоральность могильного мира (Grufwelt).
 - C) Темпоральность мира праксиса или действий.

Ретроспектива и перспектива

3. Вечность.

То, что дазайн-анализ в полной мере наследует от психоанализа, это анализ жизненной истории человека. Случай Эллен Вест демонстрирует нам это: мы анализируем Дазайн целиком в его историчности, настолько подробно, насколько это возможно. Но в отличие от научной перспективы сбора анамнеза мы стремимся, говорит Бинсвангер, предварительно освободить себя от всех суждений относительно данного конкретного пациента: моральных, нравственных, эстетических, социальных, медицинских, научных и пр., чтобы перед нами в полной мере развернулись “те формы Дазайн, которыми обсуждаемая индивидуальность есть в мире” (Binswanger, 1944b, 70).

На смену выстроенной на оценках и суждениях исторической конструкции здесь выступает феноменологически истолкованная и проанализированная структура Дазайн[a] (Daseinsgestalt). Так как эта структура на протяжении жизни не остается одной и той же, а претерпевает изменения, то невозможно понять историю жизни исключительно научными систематизирующими методами, потому нужно, как это представлено в анализе случая Эллен Вест, строго держаться жизненно-исторических данных. Это и будет называть жизненно-исторический (lebensgeschichtlich) анализ. Таким образом,

где мы говорим о формах Дазайн[a], мы говорим о формах бытия-в-мире и бытия-вне-мира. Так как мир означает не только Что, в котором экзистует Дазайн, а в то же время и Как и Кто этого экзистирования, то эти формы Как и Кто, Бытия-в- и Само-бытия явствуют из характеристики соответствующих миров “целиком из [этого] само”. Здесь следует также несколько забегая вперед заметить, что выражение Мир равным образом относится к окружающему, совместному и собственному миру, хотя никоим образом не образуется как результирующая этих трех миров в единичный (единственный), а как выражение для того сплошного и сквозного способа, которым мир вообще образуется в эти самые регионы мира. (Binswanger, 1944b, 70)

C. Дазайн-анализ и психоанализ.

D. Клинико-психопатологический анализ.

1. Случай Нади, описанный Жане, и случае Эллен Вест.

Феномен стыда и шизофренический процесс.

2. Дальнейшие наблюдения булимии.

3. Эквивалент тревоги? Истерия?

4. Неудержимое влечение и зависимость?

5. Навязчивость, фобия?

6. Сверхценная идея? Бредовая идея?

7. Колебания настроения. Шизофреническое или маниакально-депрессивное безумие?

8. Диагноз. Развитие личности или шизофренический процесс?

Заключительное слово.

Медард Босс, основатель цюрихской школы дазайн-анализа в разных своих текстах и более всего в работе “Психоанализ и дазайн-аналитика” обличает в феноменологической недостаточности не только фрейдовский и юнгианский психоанализ, но и психиатрический дазайн-анализ Бинсвангера. В указанной работе 1957 года он впервые обозначает “терапевтический дазайн-анализ” как дальнейшее развитие психоанализа Фрейда и, вместе с тем, дает проясняющее заключение относительно отношения дазайн-аналитики и дазайн-анализа:

По сути дела, он [дазайн-анализ] опирается на впервые вскрытые Фрейдом явления человеческого поведения, далее, однако, не объясняя их “метапсихологически”. Напротив, он озабочен их феноменологическим толкованием, их ориентацией в соответствии с феноменологией Хайдеггера [...]. Таким образом, нам следует сегодня понимать дазайн-анализ в тройном свете: во-первых, в качестве обозначенной Хайдеггером в онтологическом свете дазайн-аналитики, далее, как обозначение для феноменологически ориентированной антропологии и, наконец, как новый, равным образом феноменолого-герменевтический метод, который, действительно, отошел от классического психоанализа и других глубинно-психологических направлений в сущностной, принципиальной и практической сферах. Дазайн-анализ есть, тем самым как философское, так и антропологическое и терапевтическое понятие. (Condrau, 1985)

Никифоров (Nikiforov, 2005) прав, когда говорит о том, что дазайн-анализ не привнес особых новшеств в аналитический процесс как таковой (устройство сессии, кабинет, возможность кушетки, собственно “процедура” анализа). Но “существенное заключалось в сдвиге горизонта интерпретации: место генитального символизма занимает диалектика открытости мира и его закрытости, свободное ассоциирование направлено не на высвобождение бессознательного, но на создание атмосферы раскрытости, чувства свободы”.

Как определяет сам Хайдеггер, “задача аналитики – увидеть целое единства онтологических условий. Аналитика, онтологическая по своему характеру, не есть разрешение на элементарное, но артикуляция единства структурного строения” (Khaidegger, 1992, 84). Как далее размышляет М. Хайдеггер, решающим в аналитике является не отыскание истока симптома и не возвращение к его истоку, а вопрошание “о тех определениях, которые характеризуют бытие (Dasein) в отношении подступа к бытию вообще” (Khaidegger, 1992, 88). В ходе Цолликоновских семинаров не раз заходила речь о соотношении дазайн-аналитики и дазайн-анализа. Принципиальное понимание состоит в том, чтобы не смешивать философскую работу при

задаче разъяснения Dasein, подчиненное основному онтологическому вопросу о смысле бытия вообще и конкретное дазайн-аналитическое исследование, в котором мы всякий раз должны приставить этому Dasein определенный артикль и видеть в нем конкретное бытие конкретного человека, и таким образом снять то недоразумение, которое часто возникает в психотерапевтических кругах при знакомстве с дазайн-анализом, будто научная психологическая теория возможна как онтологическая.

Здесь можно привести наглядный пример из тех же Цолликоновских семинаров, где Хайдеггер, отвечая одному из участников семинара о том, как возможно изгнать из психологии естественно-научное мышление, в то время как всякий из присутствующих является врачом, и потому естественником по определению, и как врач может использовать эту аналитику Дазайн, будучи естественником. Совершенно понятное беспокойство. Ответ на него как раз заключен в выше приведенном различении, которое должно быть достаточно ясным, но в то же время может стать таковым только после основательного знакомства с онтологией Хайдеггера. Довольно длинный ответ Хайдеггера заканчивается формулой: “Dasein-анализ – онтичен, Dasein-аналитика – онтологична” (Khaidegger, 2012, 186). Хотя затем оказывается, что и в *Бытии и времени* речь зачастую идет о дазайн-анализе, где речь идет о “выявлении тех тематизированных в Dasein-аналитике определений Dasein, которые – поскольку это Dasein определено как экзистирующее – называются экзистенциалами” (Khaidegger, 2012, 188), и в этом смысле дазайн-анализ все еще принадлежит Dasein-аналитике, следовательно, онтологии. Но как только мы входим в зону эмпирического – встречи с Другим как непосредственно присутствующим – дазайн-анализ становится нашим онтическим аналитическим инструментом. Это анализ, который “направлен на конкретного экзистирующего” (Khaidegger, 2012, 188) и “не претендует на выдвигание иных ‘моделей’ нозографической артикуляции, но скорее, стремится более глубоко, и даже в этом смысле, с некоторой радикальностью исследовать сущность некоторых фундаментальных психопатологических переживаний и вскрыть их с точки зрения их значения для того или иного способа человеческого бытия” (Rovaletti, 2000, 109). Это анализ, который удерживает онтологический горизонт, необходимый “для описания и интерпретации онтического”, потому что успех в терапии “невозможен без конкретной работы с *данным* онтическим в *его* свернувшемся горизонте, как

если бы альтернативы открытого мира не существовало вовсе” (Binswanger, 1965, цит. по: Nikiforov, 2005).

Конечно, важно помнить, что Бинсвангер не рассматривал дизайн-анализ как психотерапию, это “вообще не психотерапия”, писал он Штефану Штрассеру⁷ в письме от 15 мая 1963 года. Но в еще более ранних работах он отчетливо давал понять, что в отличие от психоанализа дизайн-анализ произрастает не из терапевтических устремлений, а “из стремления достичь ясности в понятийных основаниях того, что психиатр в психологическом и психотерапевтическом отношении воспринимает у ‘койки больного’, о чем при этом думает и что делает” (Binswanger, 1960, 21). Такое понимание дизайн-анализа было унаследовано и его учениками, например, Ульрих Зоннеман в *Руководстве по лечению неврозов и психотерапии* указывает, что “дизайн-анализ как таковой не является ни психотерапией как праксисом, ни теоретическим проектом психотерапевтического метода, даже если он в качестве антропологической теории оказывается очень близок психотерапии” (цит. по: Condrau, 2000, 10).

Бинсвангеровский дизайн-анализ как метод исследования в психиатрии оказался наиболее плодотворным в области исследования шизофрении и психопатий. И если говорить о традиции, то его влияние на психиатрический и, несмотря ни на что, психотерапевтический мир трудно переоценить.

[...] ввиду его [Бинсвангера] выдающейся личности и неординарных познаний, его открытости диалогу с другими исследователями, психиатрами и философами, его способности убеждать учеников со всего мира, дизайн-анализ достиг высшей точки научного признания, которое и сегодня еще имеет свое действие и остается связанным с его именем. В особенности, не претендуя на полноту перечисления, можно назвать таких авторов, как Виктор фон Гебзаттель, Ханс Кунц, Ульрих Зоннеман, Альфред Шторх, Ролло Мэй, Хайнц Хеффнер, Ян Хендрик ван ден Берг, Данило Карнелльо, Роланд Кун, Эрвин В. Штраус в США, во Франции это, прежде всего, Анри Мальдини и Артур Татосьян. Другим путем пошли экзистенциальный анализ и логотерапия Виктора Франкла, которые хоть и касаются основных антропологических ценностей, но в психотерапии обладают однозначно апеллятивным характером. Некоторые дизайн-аналитики обращались к гуманистической психологии (Ролло Мэй и Рональд Лэйнг), другие –

⁷ Штефан Штрассер (Stephan Strasser, 1905-1991) – австрийский философ и феноменолог, изучал лингвистику и психологию в Вене и Дижоне, защищал докторскую по творчеству поэта Йозефа Айхендорфа (поэтическая фигура, к которой феноменологи довольно часто обращаются). В связи со своим происхождением с началом войны был вынужден мигрировать в Бельгию, где был сотрудником гуссерлевского архива. Занимался Гуссерлем и Хайдеггером, позднее обратился к работам Мерло-Понти и Левинасу.

к социальной психиатрии (Хайнц Хефнер). Решающее значение имеют и еще сегодня кажутся мне актуальными работы Штоха “Пути к миру и экзистенция душевнобольных”, 1965, и Бланкенбурга “Потеря естественного (природного) самопонимания”, 1971. (Condrau, 2000, 11)

Вскоре после Второй мировой войны в Цюрихе образовалась школа дазайн-анализа, которую уже с полным правом можно называть школой терапевтического дазайн-анализа. Ее становление связано, прежде всего, с именами Медарда Босса (1903-1990), Джиона Кондрау (1919-2006) и Алоиса Хиклина (1931-2016). Такая сепарированная, если не параллельная с Бинсвангером, институционализация объясняется серьезными теоретическими расхождениями Бинсвангера и Босса в отношении некоторых хайдеггеровских положений. В частности, Бинсвангер в основной своей работе

отодвигает хайдеггеровскую “заботу” в пользу “любви”, которая, по его мнению, имеет примат над заботой. Это непонимание заботящейся структуры (*Sorgestruktur*) Дазайн со стороны Бинсвангера привело среди прочего впоследствии к разрыву с Хайдеггером и цюрихской школой дазайн-анализа. “Забота” в хайдеггеровском *Бытии и времени* есть не что иное, как экзистенциальное основоустройство Дазайн[а]. И потому в бытии-в-мире основываются все возможные способы поведения любящего и ненавидящего, заботы о ближнем и вещах этого мира, наконец, также и психиатрическо-психотерапевтическая практика. (Condrau, 2000, 9)

Предваряло становление школы событие, которое вошло в историю под названием “Цолликоновские семинары”.

Первая встреча участников семинара с Хайдеггером состоялась 4 ноября 1959 года. В качестве основания для дискуссии были поставлены вопросы, которые нас тогда особенно занимали. Они касались “Теории и практики психоанализа”⁸, причем также много обсуждавшаяся статья Визенхюттера (1959), тем более что стало предметом обсуждения ее сравнение с “дазайн-аналитическим всадником на психоаналитической лошади” (1959). Нуждаются ли дазайн-аналитики в теории? Нужно ли нам изучать философию? Является ли учение Хайдеггера, как это утверждает Визенхюттер, неприменимым для антропологии?⁹

⁸ Речь, вероятнее всего, идет о двухтомной классической работе Шандора Ференци “Bausteine zur Psychoanalyse”, вышедшей впервые в двух томах в 1927 году. На русский язык работы этих двух томов изданы одним томом под названием “Теория и практика психоанализа” в 2000 году (спасибо Нине Савченковой за помощь в установлении автора и первоисточника этой работы).

⁹ Речь идет о работе Визенхюттера “Новая медицинская антропология и реабилитация” (Wiesenhütter, E. (1959). *Neuere medizinische Anthropologie und Rehabilitation. Praxis psychother*, 4, 108-1024).

Вопросы касались дискуссий, который всплывали не только в психотерапевтической литературе, но которые также занимали ассистентов Бургхёльцли¹⁰ (которые находились в анализе у аналитиков различных направлений). Мы ожидали прояснения от мастера. (Condrau, 1985, 221)

Встречи, длившиеся на протяжении нескольких лет (с сентября 1959 по июль 1969 года), стабильно и неизменно, как хороший аналитический сеттинг, в одном и том же месте, будь то аудитория Бургхёльцли, с которой все началось, или дом Босса, который находился в шаговой доступности от клиники, запротоколированы не полностью, но все-таки достаточно подробно, чтобы мы могли представить себе это пространство со всеми его аналитическими процессами и эффектами.

Если мы сделаем несколько шагов назад и обратимся к фигуре самого Медарда Босса еще до всех тех известных описаний своей встречи с работой *Бытие и время* во время военной врачебной, которые подробно представлены в *Цолликоновских семинарах*, то выясним, что он тоже был лично знаком с Фрейдом и вышел из психоаналитического круга. В 1925 году во время своего венского учебного семестра в рамках одной из стажировок он познакомился с Фрейдом. Там же, в Вене, он начал свой учебный анализ, который продолжал по возвращении в Цюрих на протяжении трех лет у Ханса Бен-Эшенбурга¹¹. Он прошел все стадии психоаналитического образования, был членом Швейцарского психоаналитического общества, образованного в 1919 году, состоял с Фрейдом в переписке и, даже спустя много лет писал о том, что без Фрейда, его работы и его учеников невозможно представить становление даэдайн-аналитического терапевта, и приписывает своему учебному анализу “решающую и высвобождающую роль в достижении человеческой зрелости” (Paulat, 2001, 15). Кроме того, позднее, во время одной из стажировок в Лондоне он сопровождал Эрнеста Джонса¹² в его исследованиях. На протяжении ряда лет он продолжал свое психоаналитическое образование в Берлине, где получал супервизию в психоаналитическом институте у Карен Хорни,

¹⁰ Бургхёльцли – короткое название известной психиатрической клиники в пригороде Цюриха, в которой начинали или вели профессиональную деятельность многие известные психиатры: О. Блейлер, К.Г. Юнг, Л. Бинсвангер, Ж. Пиаже, Карл Абрахам, Г. Роршах, М. Босс и др.

¹¹ Ханс Бен-Эшенбург (Hans Behn-Eschenburg, 1893-1935) – психиатр, психоаналитик, ученик Херманна Роршаха, член Швейцарского общества психоанализа.

¹² Эрнест Джонс (Ernest Jones, 1879-1958) – британский невролог, психоаналитик, ученик, друг и коллега З. Фрейда, его первый официальный биограф. Первый англоговорящий психоаналитик, президент Британской и Международной психоаналитической ассоциации в 20-30 годах 20 века.

Отто Фенихеля и Харальда Шульц-Хенке¹³, а также принимал участие в работе семинаров Вильгельма Райха, Ханса Захса, Зигфрида Бернфельда. Начиная с 1935 года Босс вел частную практику в Цюрихе и одновременно был руководителем частного психоневрологического санатория, где интенсивно занимался исследованием шизофрении. Через знакомство с работами Бинсвангера, в частности его докладом 1936 года в честь 80-летия Фрейда “Фрейдовское понимание человека в свете антропологии”, Босс приходит к необходимости переосмысления фрейдовской теории, и особенно лежащего в его основе принципа тотальной каузальности. И реабилитационная работа Босса *Смысл и содержание сексуальных перверзий*, защищенная в 1947 году на медицинском факультете Цюрихского университета была построена на феноменологической критике фрейдовской метапсихологии, и была еще довольно близка бинсвангеровским воззрениям. Позднее станет очевидно, что поворот Босса относительно психоанализа является гораздо более радикальным, нежели поворот Бинсвангера. Этому, несомненно, стоит посвятить отдельное исследование, которое в частности, обнаружит, что под вопрос были поставлены ключевые фрейдовские концепты бессознательного и переноса. И если Бинсвангер в ответ на беспокойство Фрейда (который писал в 1917 году: “Как Вы поступите с бессознательным или, точнее, как Вы сможете обходиться без бессознательного? Успокойте меня”) отвечал: “Само собой разумеется, я никогда не обойдусь без бессознательного” (цит. по: Blankenburg, 2004, 434), то Босс комментировал это как “слепую веру”, как то, что “Фрейд свое учение о сновидениях вместе со своим представлением ‘бессознательного’ был вынужден изобрести только потому, что как дитя своего времени, подчиняясь некритично перенятым естественнонаучным догмам, он все еще полагал обязательным, что и все феномены сновидения тоже должны быть подчинены сплошному каузальному связыванию со всем действительно наличным” (цит. по: Condrau, 2000, 13). К этому времени уже произошло знакомство Босса с *Бытием и временем*, и мы, таким образом, возвращаемся к той точке

¹³ Харальд Шульц-Хенке (Harald Schultz-Hencke, 1892-1953) – немецкий психоаналитик, представитель неопсихоанализа. Изучал философию и психиатрию в университете Фрайбурга (у Риккерта, Гуссерля, Хайдеггера). После получения медицинского образования обратился к психоанализу. Проходил анализ сначала у Фрейда, затем у Шандора Радо, затем получал психоаналитическое образование в институте Абрахама (Берлин). Вначале 30-х в связи с резкой критикой некоторых фрейдовских положений был отстранен от преподавания. Дважды основывал собственный неоаналитический институт. После войны и до самого конца оставался в изолированном положении в европейском психоаналитическом сообществе в связи со своим противоречивым статусом в нацистской Германии.

истории, которая называется *Цолликоновские семинары* и начало становления цюрихской школы дазайн-анализа.

Цюрихская школа дазайн-анализа является исторически первой, и на сегодняшний день сложно говорить, что есть какая-то иная школа. Австрийский институт дазайн-анализа, по сути, перенявший данную традицию в ее наиболее аутентичной, если не ортодоксальной форме, сохранил за собой право издания периодического ежегодного издания международной федерации дазайн-анализа и осуществляет полноценную подготовку психотерапевтов в области дазайн-анализа.

Институциональное оформление произошло с появлением в Цюрихе Дазайн-аналитического института психотерапии и психосоматики в 1971 году, подготовка аналитиков осуществлялась на базе психологического или медицинского психиатрического образования и предполагала, помимо традиционной аналитической подготовки (часы индивидуального анализа и супервизии), также семинары по феноменологии, герменевтике и дазайн-аналитической антропологии. Упомянутый выше журнал “Дазайн-анализ. Феноменологическая антропология и психотерапия” (коротко – *Daseinsanalyse*) начал издаваться в 1984 году при данном институте. При этом, разумеется, мы помним, что в Швейцарии и сегодня функционируют две дазайн-аналитические институции: Дазайн-аналитический институт, которым в настоящее время руководит Валерия Гампер, и в котором до недавнего времени трудился Алоис Хиклин (ушел из жизни в январе 2016 года), и Дазайн-аналитический семинар, руководимый Алис Хольцхей-Кунц.

В целом же справедливо говорить о значительном изменении географии дазайн-анализа со времен Босса. Международной федерацией дазайн-анализа сегодня руководит Адо Хейгенс (Бельгия), дазайн-аналитические сообщества представлены в 7 странах мира: Швейцария, Австрия, Бельгия, Греция, Бразилия, Венгрия, Чехия, и помимо этого имеется одиночное членство дазайн-аналитиков из Англии, США, Канады и т.д.

Подытожить данную часть изложения мы можем следующим образом:

1. Дазайн-анализ имеет тройную “корневую систему”: с одной стороны, он вырос из психиатрической клиники, с другой – в контексте полемики с уже сложившимся к тому времени способом рассмотрения психопатологических феноменов и подхода к их лечению, а именно, с фрейдовским психоанализом, в-третьих – из дазайн-аналитики Хайдеггера.

2. Дазайн-анализ является собой преодоление психоанализа *внутри аналитического дискурса*. В этом смысле можно было бы рассматривать дазайн-анализ в том же статусе, как и, например, юнгианский анализ или индивидуальную психологию Адлера, или теорию объектных отношений Мелани Кляйн, или экзистенциальный анализ Сартра. Но отличие от приведенных примеров, это преодоление другого свойства. Оно осуществлено через философскую фигуру Хайдеггера и проведено через его онтологию, то есть осуществляется со значительным выходом в основания аналитического и психотерапевтического праксиса.

Во введении к первому номеру журнала *Daseinsanalyse* Жион Кондрау и Алоис Хиклин определяют дазайн-анализ как “психотерапевтическое направление, которое исторически выросло из психоанализа Зигмунда Фрейда и философской аналитики Мартина Хайдеггера” (Condrau & Hicklin, 1984, 1). Именно в этих рамках, с учетом вышеприведенных размышлений, прежде всего (не исключая далее других возможных ракурсов рассмотрения), и следует осмыслять дазайн-анализ, что, несомненно, требует большого исследовательского мужества. Поскольку обе эти мощнейшие традиции, породившие в различных точках своего слияния множество психотерапий различной ориентации, на сегодняшний день являются достаточно сложными для рефлексии. Психоанализ – по причине общепринятого забвения и определенного общественного реакционного вердикта об устарелости, ортодоксальности, ошибочности многих положений и пр., аналитика же Хайдеггера – по причине сложности языка, и потому малодоступности для понимания даже в аутентичной немецкоязычной среде, и наличия множества факторов социально-политического характера, которые стигматизируют как саму фигуру Хайдеггера, так и производимый им дискурс и все его мыслительное наследие.

3. Закономерно встает вопрос о месте дазайн-анализа в контексте развития психотерапии по второй половине 20 века вообще, и прежде всего, его отношения, если таковые имеются, с основными направлениями европейской и американской экзистенциально-гуманистической психотерапии. Как говорит Кондрау, все множество сегодняшних направлений в психотерапии – неопаналитических, холистических, гуманистических, логотерапевтических, транзакционных и антропологических, которые снова и снова подразделяются на группы, на самом деле все имеют одно общее:

отхождение от фрейдовского учения о влечениях и *попытка продвинуться в практике феноменологии*. Если отталкиваться от того, насколько герметично и кулуарно дизайн-аналитическое сообщество сегодня, то можно было бы заподозрить его в незаинтересованности в вопросе отношений с другими школами. Но это не так, вернее, не совсем так. Во-первых, есть прецеденты, например, греческого или бразильского дизайн-аналитического сообщества, где ситуация предстает иной¹⁴. Как это было отчетливо представлено на последнем международном форуме по дизайн-анализу, который состоялся в сентябре 2015 года в Афинах¹⁵, нужно учитывать и “территориальные” и языковые условия становления дизайн-аналитических школ в различных странах, есть школы более экзистенциально ориентированные, более аналитически ориентированные, и даже более научно ориентированные в смысле тех требований, которые предъявляет к психотерапии сегодня так называемая доказательная медицина. И в самой Швейцарии, родине дизайн-анализа, очевидно расхождение в оценке места дизайн-анализа в современном психотерапевтическом мире. И оценка этого места располагается в плоскости между тремя основными точками натяжения: психоанализ, экзистенциальная психотерапия и особое место дизайн-анализа, его принципиальная несводимость к какой-либо иной традиции и выдерживание его в строгих рамках хайдеггеровской аналитики.

ЧТО ТАКОЕ ДАЗАЙН

В данной части работы мы бы хотели очень кратко представить тот путь, который может помочь обживанию концепта Дазайн в грамматической и семантической структуре русского языка.

Если мы занимаемся аналитикой Дазайн, то аналитикой чего мы занимаемся?

Использование раннее предложенных в философии переводов (присутствие, тут-бытие, вот-бытие) становится затруднительным в виду того, что появляется иной контекст, а именно – психиатрический и психотера-

¹⁴ Для более подробного ознакомления с основными дизайн-аналитическими институциями, которые существуют сегодня в мире, можно обратиться к статье “Дазайн-анализ”, которую мы разрабатываем для Википедии.

¹⁵ Обзор форума и представленных на нем докладов обсуждений также представлен в данном номере журнала.

певтический, появляется конкретный человек, о котором идет речь, который болен, страдает и т.п. В 70-е и 80-е годы шла большая дискуссия о проблеме перевода этого слова на другие языки – английский, французский, итальянский, испанский – именно в контексте перевода работа Бинсвангера, Босса и Кондрау. Была достигнута конвенциональность в том, чтобы оставлять кальку этого слова и способствовать его интеграции в грамматическую структуру того языка, на который осуществляется перевод. Большой ресурс представляет обращение не только к философским, но и литературным традициям, а именно, к традиции художественного перевода. Можно взять любое художественное произведение из наиболее читаемых, например, Ремарка и проследить, в каких контекстах употребляется и как переводится это слово. Например, в романе “На западном фронте без перемен” сплошь и рядом мы встречаемся со словом *Dasein*. Приведем несколько примеров:

Was weiß er von mir – was weiß ich von ihm, früher wäre keiner unserer Gedanken ähnlich gewesen – jetzt sitzen wir vor einer Gans und fühlen unser Dasein und sind uns so nahe, daß wir nicht darüber sprechen mögen (Remarque, 1987). (Что он знает обо мне – что я знаю о нем, раньше в наших мыслях не было бы ничего схожего – теперь мы сидим перед этой гусыней и чувствуем эту нашу жизнь (*Dasein*) и так близки друг другу, что не можем говорить об этом.) (перевод мой. – И.К.).

Ich bin nicht mehr ein zitterndes Stück Dasein allein im Dunkel – ich gehöre zu ihnen und sie zu mir, wir haben alle die gleiche Angst und das gleiche Leben, wir sind verbunden auf eine einfache und schwere Art (Remarque, 1987). (Я уже не дрожащий кусок бытия (*Dasein*) один в темноте – я принадлежу им и они – мне, у нас у всех один и тот же страх и одинаковая жизнь, мы связаны таким простым и сложным образом.) (перевод мой. – И.К.).

Jahre hindurch war unsere Beschäftigung Töten – es war unser erster Beruf im Dasein. Unser Wissen vom Leben beschränkt sich auf den Tod (Remarque, 1987). (Годы напролет нашим делом было убивать – это была наша первая профессия нашего здесь существования (*Dasein*). Наше знание о жизни ограничивалось смертью.) (перевод мой. – И.К.).

Или, например, другой герой Ремарка (“Ночь в Лиссабоне”), размышляет: *Meines (Dasein). Eines, das nirgendwo bleiben kann; das sich nie ansiedeln darf; immer im Rollen bleiben muß. Das Dasein des Emigranten. Das Dasein des indischen Bettelmönches. Das Dasein des modernen Menschen. Es gibt übrigens mehr Emigranten, als man glaubt. Auch solche, die sich nie vom Fleck gerührt*

haben (Remarque, 1962). (Мое существование (Dasein). Когда негде остановиться, когда нельзя иметь крова над головой, когда все время мчишься дальше. Существование (Dasein) эмигранта. Бытие (Dasein) индийского дервиша. Бытие (Dasein) современного человека. И знаешь: эмигрантов гораздо больше, чем думают. К их числу принадлежат иногда даже те, кто никогда не покидал своего угла.) (перевод мой. – И.К.).

Жион Кондрау, исследуя понятие Дазайн для психотерапии, пишет, отсылая к Хайдеггеру: “Человек есть ‘тут’ как просвет бытия: потому Дазайн было выбрано Хайдеггером как чистое бытийное выражение этого сущего. ‘Это сущее, которое есть мы сами и которое среди другого имеет бытийную возможность вопрошания, мы терминологически схватываем как Дазайн’. Если, таким образом, речь идет о Дазайн, то всегда подразумевается [конкретный] человек” (Condrau, 1985, 230). То есть речь идет об аналитике Дазайн[а] как конкретного, всякого из конкретных способов человеческого бытия. По смыслу это понятие близко понятиям “житие-бытие”, “житие” (если снять с этих слов привычные религиозные коннотации), “бытность”, “бытование”, то есть речь идет о жизни, существовании, бытии конкретного человека.

О ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ МЕТОДЕ

В данной части будет подвергнуто критике ставшее расхожим в современной психиатрии и психотерапии понятие феноменологического метода как описания, и предпринята попытка восстановления его значения для психотерапии таким, каким оно мыслится в феноменологии Хайдеггера. Такая плохо рефлекслируемая психологическими и психотерапевтическими теориями редукция имеет вполне понятное происхождение и связана с неизбежной операционализацией понятий, которая происходит всякий раз, когда категориальный строй или иной онтической теории предпринимает обновление за счет философии. Однако время от времени такому положению дел требуется ревизия.

[...] феноменология не означает простого описания, в значении которого иногда употребляют это слово представители естественных наук. Наиболее употребительное по сей день определение понятия феноменологического – в противоположность простой ориентации на феноменальное – дается в работе Хайдеггера [(Heidegger, 1927, 28)]. То, что должно быть в феноменологии “феноменом”, – это не внешний аспект предмета, а прежде всего “логос”.

Таким образом, феноменология, вопреки широко распространенному неверному мнению, ведет не к абсолютизации поверхностного аспекта мира, а к радикализации принципа опыта. (Blankenburg, 2004, 434)

Но что же значит эта “радикализация принципа опыта”?

Для введения нас в феноменологический метод Хайдеггер настойчиво использует определенную грамматическую конструкцию – *sehen lassen*, что означает, если попытаться при первом приближении как можно более точно схватить ее смысловую подачу, – активный модус пассивной позиции при осуществлении того действия, которое задается смысловым глаголом. На русский язык такая конструкция переводится, как правило, как “дать себе видеть” или “позволить себе видеть”, что, однако, не является достаточно точным.

В параграфе 7 *Бытия и времени*, где Хайдеггер разворачивает понятие феноменологического метода, мы читаем:

λόγος als Rede besagt vielmehr soviel wie δηλοῦν, offenbar machen das, wovon in der Rede “die Rede” ist. *Aristoteles* hat diese Funktion der Rede schärfer expliziert als ἀποφαίνεσθαι. Der λόγος läßt etwas sehen (φαίνεσθαι), nämlich das, worüber die Rede ist und zwar für den Redenden (Medium), bzw. für die miteinander Redenden. Die Rede “läßt sehen” ἀπό... von dem selbst her, wovon die Rede ist. In der Rede (ἀποφαίνσις) soll, wofern sie echt ist, das, was geredet ist, aus dem, worüber geredet wird, geschöpft sein, so daß die redende Mitteilung in ihrem Gesagten das, worüber sie redet, offenbar und so dem anderen zugänglich macht. Das ist die Struktur des λόγος als ἀποφαίνσις. Nicht jeder “Rede” eignet *dieser* Modus des Offenbar-machens im Sinne des aufweisenden Sehenlassens. Das Bitten (εὐχή) z. B. macht auch offenbar, aber in anderer Weise. (Heidegger, 2006, 32)

В.В. Бибихин дает нам следующий перевод (курсив мой. – И.К.):

λόγος как речь значит скорее то же самое что δηλοῦν, делать очевидным то, о чем в речи [идет] “речь”. Аристотель строже эксплицировал как ἀποφαίνεσθαι. Λόγος *дает чему-то видеться* (φαίνεσθαι), именно тому, о чем идет речь, и при том для говорящего (Medium), соотв. для говорящих друг с другом. Речь “*дает видеть*” ἀπό... от того самого, о чем речь. В речи (ἀποφαίνσις), насколько она подлинна, предложение должно быть почерпнуто из того, о чем речь, так что сообщающая речь в своем сказанном делает то, о чем она речь, очевидным и так доступным другому. Эта структура λόγος’а как ἀποφαίνσις’а. Не всякой “речи” присущ этот модус приведения к очевидности в смысле *выявляющего давания видеть*. Мольба (εὐχή), напр. тоже делает очевидным, но по-другому. (Khaidegger, 2006, 32)

“Выявляющее давание видеть”, “дает чему-то видеться” – мы видим, насколько неловко русский язык ведет себя в этой конструкции “*sehen lassen*” при том, что понимание ее является ключевым для понимания

существа феноменологического метода. Поэтому Хайдеггер и мы вслед за ним обращаемся к древнегреческому ἀποφαίνεσθαι: φαίνω означает *являю*, φαίνεσθαι – инфинитив настоящего времени пассивного залога, то есть являться кому-то, становиться видимым кому-то, видеться, приставка ἀπό – из, от, отсюда берется – “быть видимым (являться) из себя самого себя”. Грамматическая структура этой пассивной медиальной глагольной формы такова, что актором в ней остается то, что видится, что становится видимым. Видящий же здесь вторичен – как тот, который может увидеть, если только займет определенную установку. Хайдеггер называет ее *Gelassenheit*, что может переводиться как отрешенность, беспристрастность, безмятежность, невозмутимость и т.д. Но чтобы быть более точными, обратим внимание на корневое *lassen*, указывающее на ключевое “действие”, которое должен совершить тот, кто настроен увидеть, которое означает – оставить, оставить попытки быть производителем действия, причиной того, что что-то может стать видимым. Слово *Gelassenheit* обретается в семантическом натяжении между обозначением состояния искомого, желаемого душевного покоя и пребывающей на страже безучастности, равновесности умственного состояния.

Для обживания в данном понятии Хайдеггер дает нам несколько текстов. Например, на проселочной дороге беседуют исследователь, ученый и учитель и обнаруживают, что такая установка лежит вне сферы воления, не является волевым актом:

Ученый: И хотя я еще не знаю, что имеется в виду под словом *Gelassenheit*; но сдается мне, что пробуждается сие, когда существу нашему дозволено отпустить себя в нечто, что не есть воление.

Исследователь: Вы беспрестанно вещаете об отпущении, так что возникает впечатление, будто имеется в виду некий вид пассивности. Однако же я полагаю, что речь никоим образом не идет о пускании вещей на самотек и самоход.

Ученый: Возможно, в *Gelassenheit* скрывается наивысшее деяние всех деяний мира и махинаций человечества...

Учитель: и таковое высшее деяние, тем не менее, не есть активность.

Исследователь: соответственно, *Gelassenheit* лежит, если здесь уместно говорить о лежании, вне различия активности и пассивности...

Ученый: так как *Gelassenheit* не принадлежит области воления.
(Heidegger, 1983, 48)

Дело в том, что не я делаю что-то видимым, как если бы я была актором, который делает что-то видимым, но актором является то, что и становится видимым. Отсюда та формулировка, которую мы предложили выше –

“активный модус пассивной позиции при осуществлении того действия, которое задается смысловым глаголом”, то есть поставленной задачей. Чтобы то, что себя кажет, что я силюсь увидеть, могло стать видимым при том условии, что я организую себя как “место”, в котором это может стать видимым. Собственно, вот это усилие и обозначается понятием *Gelassensein*, как усилие не-овладения, не-постава, а предоставления себя феномену, организация себя как места раскрытия феномена (*Erscheinungstätte*). И если мы говорим о Дазайн[e] (*Da-sein*), которое состоит из *da* и *sein*, то наше аналитическое усилие направлено на вот это собственное *da* (тут, вот). Экзистенциальному рассмотрению устройства *Dasein*, то есть *vom* всякого конкретного человеческого бытия Хайдеггер посвящает *Бытие и время*, где мы можем со всей отчетливостью вычитать сущность вот этого *da* (тут, вот) (Heidegger, 2006, 134).

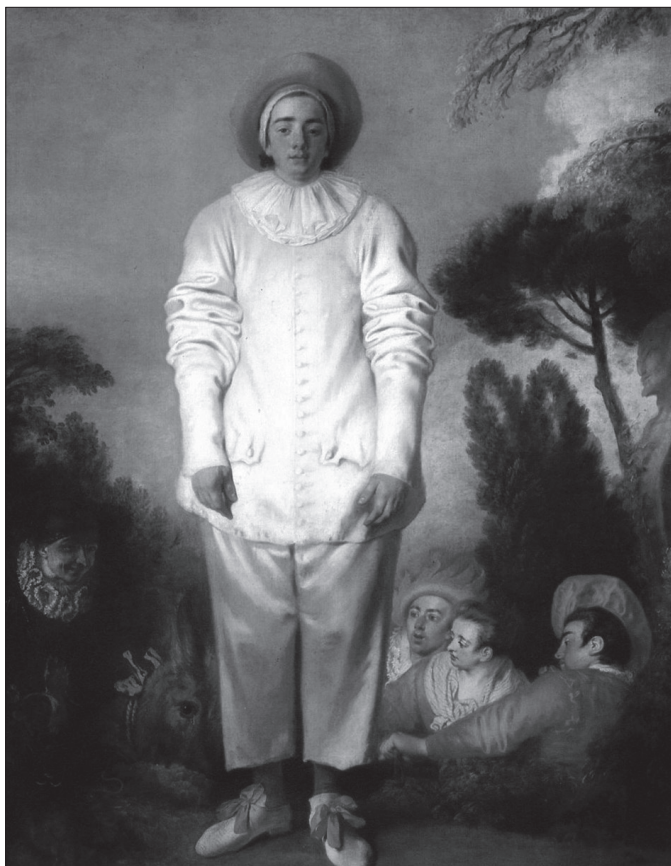
Соответственно, речь идет о ситуации совершенно определенного видения, феноменологического видения, в котором впервые становится возможен полный разворот того, что сокрыто от нас, наблюдающих и изыскивающих смысла в том, во что мы пытаемся проникнуть исследующим усилием. Как, однако, организация такой установки и такого видения реализуется в практике? Идет ли речь о психотерапевтической практике или любой другой диалогической практике, в котором нам противопоставлен Другой или другое, которое нас интересует.

В фильме Лорена де Бартилья¹⁶ “Тайная жизнь Антуана Ватто” главная героиня студентка Люси Одидер, исследуя творчества Ватто, одержимо ищет доказательств той теории, что на одной из картин художника изображена его возлюбленная, актриса Комеди Франсез Шарлот Демар. Дело в том, что женщины на полотнах Ватто изображены таким образом, что их лица не видимы, и они не узнаваемы, и множество догадок и предположений о том, кто была возлюбленная известного художника, остаются без подтверждений. Профессор, научный руководитель Люси, видя ее одержимость, пытается отговорить ее от этого мероприятия, но лишь потому, что его личная жизнь была во многом разрушена этим же одержимым, но безрезультатным поиском. При этом он дает Люси урок относительно того, как нужно смотреть на

¹⁶ Laurent de Bartillat (род. 1963) – французский сценарист и режиссер. Данное название фильм получил в российском кинопрокате. Его оригинальное название *Ce que mes yeux ont vu* – *Что видели мои глаза*. Дебютный полнометражный фильм Бартильи, вышел в 2007 году.

полотна художников, чтобы проникнуть в тайну невысказанного. Именно ради этого урока мы вспоминаем данный фильм и данный фрагмент.

Люси приходит к профессору. Он выключает свет, включает проектор, выводит на экран одну из работ Ватто и задает первый вопрос:

- *Что Вы видите?*

[Люси мельком взглядывает на картину и поворачивается лицом к профессору]

- Жиль. Из Лувра.

- А попроще?

[Люси также мельком взглядывает на картину, снова обращается к профессору]

- Считается, что речь идет о Пьере ля Турьере, артисте Комеди Франсез.

- Нет, не то. *Что Вы видите?* Самое простое.

[В этот момент Люси, наконец, полностью обращается взглядом к полотну]

- Вижу стоящего передо мной Пьеро.

- Что еще?

[Люси больше почти не отрывает взгляда от полотна. Её глазами мы медленно перемещаемся по полотну]

- Впечатление, что это ряженный под Пьеро.

- Откуда такое впечатление?

[Мы снова глазами Люси медленно перемещаемся взглядом по полотну]

- Об этом мне говорят его глаза.

- Что еще?

- Руки.

- А еще?

[Пауза затягивается. Паузы между репликами становятся все длиннее]

- Глаз, тоже.

- Чей глаз?

- Глаз осла.

[Это внезапный поворот. Сцена меняется до неузнаваемости. Пространство визуального сменяется смысловым ландшафтом *видимого*]

- Он тоже носит наряд. Наряд осла.
- Почему?
- Потому что в этом взгляде есть такая...
- Такая... Что?
- Такая... человечность.
- Человечность... Уже ближе.
- Но почему он столь печален?
- *Вы* скажите.
- Потому что его никто не слышит, – говорит Люси. – Он одинок.

[До этого мы смотрели глазами Люси. Теперь мы видим саму Люси, её глаза. Они неподвижны, полностью заняты созерцанием, это не активное созерцание, мы не прочитываем в этом усилия, которое наполняло взгляд в самом начале. Взгляд захвачен видимым. Мы можем смотреть теперь только на Люси и видеть. Глаза Люси сменяются взглядом осла на картине, и наоборот. Мы оказываемся в интимном пространстве встречи].

- Чей же это взгляд, который смотрит только на Вас, Люси?

[Долгая пауза]

- Взгляд художника. Потому что осёл видит все, а его не видит никто.

И тут мы понимаем, что этот взгляд художника, взгляд Другого, который смотрит на нас, он всегда смотрел на нас, он всегда был тут. Но мы не всегда видели его. Возможность такого видения обеспечивается этой особой установкой, названной *Gelassenheit*.

И в этой ситуации речь как λόγος вот в этой установке видения, “может иметь структуру σύνθεσις. Синтез означает здесь не связывание и сцепление

представлений, манипуляций (действий) с психическими процессами, относительно которых [связываний] затем должна возникнуть ‘проблема’, как они в качестве внутреннего согласуются с наружным физическим. Это *συν* здесь имеет здесь апофантическое значение и подразумевает: “позволить увидеть нечто в его совместности с чем-то, что есть нечто” (Heidegger, 2006, 33). И в этом смысле феноменологическое видение как основной дизайн-аналитический инструмент может оттачиваться в иных диалогических практиках – как то: киноопыт, опыт восприятия произведений искусства, музыки, поэзии. И когда дизайн-аналитик начинает апеллировать к этим видам опыта, как часто встречается, это ни в коем случае не виньетки, которые лишь украшают текст, как говорит об этом Алис Хольцхей в своем докладе¹⁷. Нет, это строгая попытка речи как *λόγος*[a], которая несет не только функцию озвучивания и произнесения, но позволяет прямо сейчас совершать аналитическую работу в пространстве совместности с Другим.

Та работа, которую в данном сюжете проделывает профессор искусствоведения, является майевтикой, в сократовском смысле этого слова. Это работа, которая помогает исследующему организовать себя как место раскрытия феномена. И если мы говорим об аналитическо-психотерапевтической практике, то первоначальной ее задачей была бы как раз такая задача в двух аспектах: во-первых, психотерапевт (аналитик) стремится достичь такой установки с тем, чтобы Другой (пациент), начал проявлять себя и казать свое первоначально невидимое для терапевта и, во-вторых, терапевт производит сократовскую работу, способствуя тому, что сам пациент становится способен к иному видению в отношении самого себя.

Наибольшее опасение для нас во всем этом состоит в том, что только что данное представление феноменологического метода рискует быть тут же редуцированным, вульгаризированным и, как следствие, обвиненным в тривиальности и обесцененным. В письмах Хайдеггера Боссу то и дело можно встретить не отличающиеся оптимистичностью высказывания, касающиеся его переживаний хода Цолликоновских семинаров: “Из последнего семинара мне стало еще более ясным, сколь необходимыми будут размышления над методом и характеристикой феноменологии” (Khaidegger,

¹⁷ Речь идет о докладе на вышеупомянутом международном форуме по дизайн-анализу, который состоялся в сентябре 2015 года в Афинах.

2012, 358). “В переводе всё сильно изменяется и затягивается во времени. Мой способ мышления и феноменологический подход там¹⁸ будут всё-таки ещё чужими” (Khaidegger, 2012, 339). Выход состоит в том, “... чтобы упражняться в одном и том же простом взгляде на невысказанное, на постоянно к нам обращающееся сущностное. *Упражнение*: пребывать при одном и том же, пробуждать способность чувствовать простое – не спешить бежать дальше от одного успеха к другому и кичиться полезными результатами” (Khaidegger, 2012, 349).

В качестве опять же пропедевтического шага в подведение итогов данной части работы можно указать на небольшую работу Хельмута Феттера “Что такое феноменология?” (Fetter, 2015). Особенность этого текста в том, что он был подготовлен и прочтен специально для психотерапевтической аудитории на ежегодном конгрессе Международного общества логотерапии и экзистенциального анализа (GLE) с названием “Сущностное видение. Феноменология в психотерапии и консультировании”, который состоялся в Вене в 2007 году. В этом тексте Феттер кратко представляет семь признаков герменевтической феноменологии, которые можно понять как правила метода и взять в качестве руководства для методических упражнений. Эти семь признаков нельзя понимать как семь элементов целого, они всячески пересекаются и наслаиваются друг на друга, и именно в такой подаче пытаются схватить существо феноменологического метода.

Первый признак – максима: феноменология есть, прежде всего, метод. Понятие феномена содержит методическое указание – “Позволить себе увидеть то, что себя кажет, как оно себя из самого себя кажет” (Fetter, 2015, 4).

Второй признак – дискрипция. “Феноменология начинается с максимально возможно простого и непредвзятого описания феномена – это исходная точка.” Однако здесь стоит быть очень внимательным: “Оно [описание] не несет, насколько это возможно, никаких уже сформулированных проблем в отношении феноменов, а нацелено на то, чтобы изъять все вопросы, все модели и все понятия из самой соответствующей области феноменов. И именно поэтому всякая конкретная дескрипция есть уже нечто принципиально большее, нежели простое описание того, что в этом описываемом есть [...] оно как раз требует быть “противоположностью

¹⁸ Из ответа на предложение провести семинар в Вашингтоне (Письмо от 10 августа 1960 года из Фрайбурга-в-Брейсгау) (Хайдеггер, 2012, 339).

наивности случайного, ‘непосредственного’ и необдуманного ‘смотрения’” (Heidegger, 1977, 49)¹⁹. Оно настолько мало направлено давать наивное описание феномена, что оно подчеркнуто понимает себя как противоположное движение, противоположный ход относительно всякой формы наивности” (Fetter, 2015, 5).

Третий признак – деструкция. Если дескрипция является позитивной задачей феноменологии, то деструкция – негативная, запретительная задача, которая состоит в том, чтобы “удержать в стороне [...] всякое предсхватывание относительно не проверенных на феноменах методов. Там же, где господство таких методов уже утвердилось и, прежде всего, стало само собой разумеющимся, оно должно быть демонтировано. [...] это не разрушение, а скорее высвобождение, так же, как археология снимает более поздние слои, чтобы высвободить первоначальные основания” (Fetter, 2015, 6).

Четвертый признак – пред-обладание (также переводится как пред-намерение (Молчанов), пред-взятие (Бибихин). Каждое толкование базируется на “уже всегда понятном” и оно должно быть описано в качестве первого шага, описание исходит из “целостности свойств”, из отсюда, “где феномены в контексте с другими феноменами выступают из своего мира” (Fetter, 2015, 7).

Пятый признак – установка *Gelassenheit* (выше нами рассмотрено).

Шестой признак – предусмотрение. “Каждое толкование должно давать себе отчет, из какой направляющей точки зрения, из какой перспективы оно собирается анализировать свой предмет” (Fetter, 2015, 8). Все, схваченное дескрипцией затем подвергается у-смотрению из определенной позиции.

Седьмой признак – предсхватывание. Предсхватывание феномена происходит в языке, потому мы должны всякий раз проделывать ревизионную работу различения в том “понятийном аппарате, который соответствует этому определенному толкованию в этой определенной теме” (Fetter, 2015, 9).

Феноменология, таким образом, учит быть внимательным и внимающим, воспитывает беспристрастность в обнаружении собственных предваряющих суждений, уже всегда населяющих наше мышление, учит усилию замедления и остановки, воспитывает критический взгляд в отношении как своих, так и других мнений. Именно таким образом подготовив мышление, можно

¹⁹ Феттер здесь цитирует *Цолликоновские семинары*.

непосредственно приступить к аналитике Дазайн[а] того конкретного человека, который оказывается перед нами в терапевтической ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье мы рассмотрели ряд ключевых вопросов относительно того, что есть такое дазайн-анализ, кратко проследили становление дазайн-анализа через две основные фигуры – Людвига Бинсвангера и Медарда Босса. Мы пришли к заключению, что Дазайн-анализ происходит, с одной стороны, из психиатрической клиники, с другой – из психоанализа и является собой преодоление психоанализа *внутри аналитического дискурса*. Но это преодоление, которое осуществляясь через философскую фигуру Хайдеггера и его онтологию, обрело свое место в точке натяжения двух аналитик, точнее сказать, между фрейдовским анализом и хайдеггеровской дазайн-аналитикой.

Более подробно мы остановились на выправлении тех искажений, которые дазайн-аналитический дискурс по разным причинам, нами указанным, приобрел в русскоязычном пространстве, остановившись при этом на наиболее принципиальных моментах.

Данный текст является пропедевтическим и имеет характер, скорее, наброска, в котором есть множество моментов, требующих отдельной развертки. Например, более подробного рассмотрения требует сам по себе психиатрический дазайн-анализ Людвига Бинсвангера, терапевтический дазайн-анализ Медарда Босса, огромный корпус работ которых является совершенно неосвоенным, что ограничивает возможность нашего собственного дазайн-аналитического исследования.

REFERENCES

- Binswanger, L. (1944a). Fall Ellen West. Eine anthropologisch-klinische Studie. *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie*, 53, 256-277.
- Binswanger, L. (1944b). Fall Ellen West. Eine anthropologisch-klinische Studie (Fortsetzung aus Band 53). *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie*, 53, 69-117.
- Binswanger, L. (1944c). Fall Ellen West. Eine anthropologisch-klinische Studie (Fortsetzung aus Band 53). *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie*, 54, 330-360.
- Binswanger, L. (1945). Fall Ellen West. Eine anthropologisch-klinische Studie (Fortsetzung aus Bd. 54). *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie*, 55, 16-40.
- Binswanger, L. (1960). Daseinsanalyse und Psychotherapie. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 8 (4), 251-260.
- Binswanger, L. (2014). *Ekzistentsial'nyi analiz* [Existential Analysis]. Moscow: Institute for Humanities Research. (in Russian).

- Blankenburg, V. (2004). Ekzistsentsial'nyi analiz [Existential Analysis]. In *Entsiklopediya glubinnoi psikhologii. Tom 4. Karl Gustav Jung i Al'fred Adler* [The Encyclopedia of Depth Psychology. Volume 4. Carl Gustav Jung and Alfred Adler]. Moscow: Cogito-center, MGM. (in Russian).
- Condrau, G., & Hicklin, A. (1984). Editorial. *Daseinsanalyse*, 1, 1-5.
- Condrau, G. (1985). Philosophische und anthropologische Grundlagen der Daseinsanalyse. *Daseinsanalyse*, 2, 189-296.
- Condrau, G. (2000). Anmerkungen zur Geschichte der Daseinsanalyse. *Daseinsanalyse*, 16, 4-32.
- Fetter, K. (2015). Chto takoe fenomenologiya? [What is Phenomenology?]. *Teoriya i praktika psikhoterapii* [Theory and Practice of Psychotherapy], 5(9), 2-10. (in Russian).
- Heidegger, M. (1977). *Sein und Zeit* (GA 2). Frankfurt a. Main: Vittorio Klostermann.
- Heidegger, M. (1983). *Zur Erörterung der Gelassenheit. Aus einem Feldweggespräch über das Denken. Aus der Erfahrung des Denkens (1910-1976)* (GA 13). Frankfurt a. Main: Vittorio Klostermann.
- Holzhey-Kunz, A. (2013). Die Zollikoner Seminare von Martin Heidegger und Medard Boss 1959-1969. Forumsvortrag vom 7. Februar 2013. *Bulletin von GAD und DaS (Gesellschaft für hermeneutische Anthropologie und Daseinsanalyse. Daseinsanalytisches Seminar)*, 2, 16-36.
- Khaidegger, M. (1992). Tsollikononovskie seminary [Zollikon Seminars]. *Logos*, 3, 82-97. (in Russian).
- Khaidegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and Time]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian).
- Khaidegger, M. (2012). *Tsollikonovskie seminary* [Zollikon Seminars]. Vilnius: EGU. (in Russian).
- Nikiforov, O.V. (2005). *Filosofskii i psikhoterapevticheskii Dasein-analiz* [The Philosophical and Psychotherapeutic Daseisanalysis]. Moscow: Science Digital Library PORTALUS.RU. Retrieved from http://www.portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1108386616&archive=0216&start_from=&ucat=&. (in Russian).
- Paulat, U. (2001). *Medard Boss und die Daseinsanalyse – ein Dialog zwischen Medizin und Philosophie im 20. Jahrhundert*. Marburg: Tectum.
- Remarque, E.M. (1962). *Die Nacht von Lissabon*. Retrieved from http://royallib.com/read/Remarque_Erich_Maria/Die_Nacht_von_Lissabon.html#0
- Remarque, E.M. (1987). *Im Westen nichts Neues*. Retrieved from http://royallib.com/read/Remarque_Erich/Im_Westen_nichts_Neues.html#0
- Rovaletti, M. L. (2000). The Phenomenological Perspective in the Clinic: From Symptom to Phenomena. *Comprendre*, 10, 109-123.
- Virsh, Ya. (2015). *Shizofrenicheskaya persona. Issledovaniya kliniki, psikhologii, sposoba Dasein'a* [The Person of Schizophrenic: Studies in the Field of Clinic, Psychology, Mode of Dasein]. Moscow: Grifon. (in Russian).